

АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА СОБОЛЕВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
ведущий научный сотрудник
Российская государственная библиотека
(Москва, Российская Федерация)
доцент кафедры филологии
Московская духовная академия
(Сергиев Посад, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9983-2602; aleksandra_soboleva@list.ru

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ VS РУТЕНСКИЙ: О ЯЗЫКЕ ВИЛЕНСКОЙ ПСАЛТЫРИ

А н н о т а ц и я . Рукопись Вильнюсской Библиотеки Академии наук Литвы (F 19–262), ветхозаветные книги которой переведены на западнорусский письменный (рутенский) язык, создана около 1517–1530-х годов. Первоначально считалось, что все ее книги переведены с древнееврейского языка. Однако М. Таубе виртуозно показывает, что источником псалтыри стали церковнославянская псалтырь и латинская Библия. Текст псалтыри неоднороден: преобладание черт западнорусского языка во второй ее половине отмечалось исследователями и ранее. Однако подробного лингвистического исследования, выявляющего закономерности перевода текста всех псалмов, не было. Актуальным становится вопрос о принципах перевода. Задачи исследования – описать соотношения, в которых находятся церковнославянский и западнорусский языки в псалмах, и переводческие приемы. Первые 16 псалмов практически не обнаруживают признаков рутенского языка, грамматические и фонетические черты которого представлены вкраплениями. С 17-го по 71-й псалом изменения накапливаются количественно, возрастая к середине псалтыри, создавая впечатление хаотичности языковой организации текста. Лексическая правка проходит в двух направлениях: заменяются некоторые церковнославянизмы и начинается унификация перевода латинских слов. Правка проведена с разной степенью последовательности, однако почти все предлагаемые переводчиком лексемы повторяются в следующей части псалтыри, часто на месте одного и того же латинского слова. С 72-го псалма церковнославянская основа лишь проглядывает сквозь западнорусскую. Это преобразование затронет все уровни языка. Зафиксировано единственное употребление формы *быхмо* в сослагательном наклонении, а поскольку она активно распространяется в конце XVI века, вряд ли стоит относить этот перевод псалтыри ранее, чем к первой трети XVI века, то есть он одновременный рукописи. Не исключено, что он был задуман специально для этой рукописи. Причем работа проделана одним человеком, а языковая неравномерность связана с поиском принципов перевода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : псалтырь, рутенский язык, переводы, Франциск Скорина, церковнославянский язык

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 21-012-41004 «Средневековые русско-еврейские контакты и славянский таргум». Автор статьи благодарит д. ф. н., в. н. с. Марию Олеговну Новак и к. ф. н., с. н. с. ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН Дмитрия Владимировича Сичинаву за консультации и советы, которые существенно помогли в работе.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Соболева А. Е. Церковнославянский vs рутенский: о языке Виленской псалтыри // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1057

ВВЕДЕНИЕ

Виленский кодекс, первая часть которого состоит из переведенных на западнорусский язык (рутенский, «просту мову») ветхозаветных книг, давно и хорошо известен исследователям. Рукопись хранится в Вильнюсской Библиотеке Академии наук Литвы (F 19–262). Создана она около 1517–1530-х годов, возможным местом соз-

дания называется Луцк или Киев. Почти сразу она поступила в Супрасльскую обитель [9: 296–297]. Состав рукописи: Предисловие к псалтыри из пражского издания Франциска Скорины 1517 года, статьи о толковании, составлении и пении псалтыри, книга Иова, Руфь, Псалтырь, Песнь песней, Экклезиаст, Притчи Соломоновы, Плач пророка Иеремии, книга пророка Даниила,

Эсфирь, вторую часть кодекса занимает Толковая Палея¹. Первая и вторая части рукописи написаны разными писцами в одном скриптории. Над первой, Ветхозаветной частью, которой посвящена статья, работал один писец.

Псалтырь решительно отличается от остальных ветхозаветных книг кодекса тем, что не является переводом с древнееврейского языка, как предполагалось Е. Ф. Карским: «она <...> была переведена с еврейской, и только впоследствии поправлена применительно к церковнославянскому тексту»². К такому выводу, к своему удивлению, пришел М. Таубе, проведя основательное исследование соотношения текстов псалмов Виленского свода, славянской псалтыри в разнообразии редакций, масоретского и латинского текстов:

«In all other cases, whenever 262 disagrees with the Slavonic LXX-based versions, it always shows an attempt to correspond not to the Hebrew, but – surprise surprise – to the Latin» [14: 29].

Все остальные ветхозаветные тексты кодекса переведены были в XV веке, вероятным автором переводов С. Темчин называет Схарию [9: 311]. Что касается псалтыри, то похоже, что перевод создавался независимо от остальных текстов рукописи, возможно, под влиянием труда Франциска Скорины.

М. Таубе виртуозно решает вопрос об источниках текстов псалмов: церковнославянская псалтырь, с которой работал переводчик, церковнославянская псалтырь, которую он и переписчик знали наизусть, и латинская Библия [14: 37]. Из его исследования очевидно, что основой для перевода стала церковнославянская псалтырь. Е. Ф. Карский составил довольно подробный попсаломный список грамматических и лексических западнорусских чтений, отмечая, что особенно много их во второй части псалтыри³. Список его оказывается актуальным, несмотря на то что некоторые чтения при обращении к рукописной истории псалтыри приходится признать восходящими к древнейшему переводу.

Текст Виленской псалтыри неоднороден. Преобладание черт западнорусского языка во второй половине псалтыри отмечалось исследователями ранее⁴. Более точную границу предложила Ю. С. Ковалева [3]: по ее данным, с 72-го псалма церковнославянская основа прочно вытесняется западнорусской. В эти, безусловно, верные наблюдения, представляется нужным внести уточнения. Первые 16 псалмов практически не обнаруживают признаков перевода на западнорусский. С 17-го по 71-й псалом изменения накапливаются количественно, соз-

давая впечатление некоей хаотичности языковой организации текста, в котором церковнославянские элементы соседствуют с западнорусскими. Псалмы после 71-го показывают лишь слабые признаки церковнославянской основы, которая вновь преобладает только в 150-м, последнем псалме. То есть в тексте выделяется три ярких части псалмов. Подобная неравномерность текста вызывает вопрос об этапах перевода: делал ли это один человек?

Задача, которая решается в данной работе, – описать, в каком соотношении находятся церковнославянский и западнорусский языки в псалмах Виленского свода, есть ли общие тенденции, охватывающие всю псалтырь. Для решения предлагается сначала разделить текст псалтыри на три части по языковым особенностям: 1-я часть – с 1-го по 16-й псалом на лл. 34а–37г; 2-я часть – с 17-го по 71-й псалом на лл. 37г–57б; 3-я часть – 72–150 псалмы на лл. 57б–82в.

Композиция псалтыри обуславливает композицию статьи: в ней три раздела, в каждом разделе описывается фонетика, грамматика, лексика и выявляются, если возможно, общие для всего текста особенности перевода или показывается, что их нет.

Материалом исследования является только псалтырь Виленского кодекса. Разночтения подводятся для установления отношения псалмов к традиции развития псалтырного текста: привлекается Норовская псалтырь по критическому изданию с разночтениями по древнейшей, афонской и Киприановской редакциям [10] (разночтения по изданию, если они есть, приводятся по принципу информативности и достаточности для каждого конкретного случая, в орфографии издания), псалтырь Франциска Скорины в связи с копированием его предисловия, Библия Матфея Десятого в связи с предположением С. Темчина о том, что писец Виленского свода мог быть знаком с Десятоглавом (1502–1507 годы), начатым в Вильне и завершенным в Супрасле [9: 299]. Если чтения в этих текстах совпадают, то указывается только одно в орфографии издания [10]. Поскольку при переводе текст псалмов сверялся по латинской Библии, Вульгате, как убедительно показал М. Таубе, то при необходимости дается латинская параллель. При цитировании стиха для Виленской псалтыри приводится указание и на псалом, и на лист рукописи после цитаты, для всех остальных цитируемых псалтырей – только стих псалма. При указании на отдельное слово дается только лист Виленской псалтыри, например, при описании орфографии, грамматических черт.

Сокращения псалтырей: Норов. – Норовская псалтырь по изданию [10], Кипр., Син. – псалтыри митр. Киприана и Синайская глаголическая в качестве разночтений по названному изданию, ФС – псалтырь Франциска Скорины, МД – псалтырь из Библии Матфея Десятого.

Термины «западнорусский» и «рутенский» язык мы используем как синонимичные. Под ними понимается литературный язык, распространенный на территории Великого княжества Литовского, имевший самоназвание «проста мова» (распространенное и в современной научной литературе). Этот язык, помимо церковнославянских и польских черт, содержит грамматические и лексические особенности старобелорусского и староукраинского языков, разделить которые зачастую невозможно и не является задачей данной статьи. В качестве языковых исторических словарей используются: ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы⁵, СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.⁶, ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.⁷

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ЧАСТЬ: 1–16-й ПСАЛМЫ

1. Написания, показывающие отверждение шипящих: *жывыи*⁸, л. 34а, *на ложьых*, л. 34б, *жывуцему*, л. 35г (всего семь раз). В третьей части псалтыри выявленные особенности возрастают многократно.

2. Грамматически текст достаточно аккуратен. Из 14 прилагательных м., ср. р. только дважды в Р. ед. зафиксировано окончание *-ого*: *убогого*, л. 36б, *лестивого*, л. 36в. Единожды наблюдается окончание *-ох* в М. мн. ср. р., которое, вероятно, следует рассматривать как результат экспансии окончания из склонения на *й, а не результат фонетических изменений (например, перехода [е] в [о]): *въ научениох*, л. 37а. В глагольных формах также наблюдается следование норме церковнославянского языка. Среди форм 2 ед. с утратой гласного *-шь* только одно написание – *отвратишь*, л. 36г.

Простые претериты преобладают над формами перфекта, последний встречается без связки всего в 20 % от общего числа форм прошедшего времени в этой части Псалтыри: *реклъ*, л. 37а, *удивиль*, л. 34в, 37б, *оставили*, л. 37г и др. Все причастия настоящего времени церковнославянские, с рефлексом *щ* на месте *tj: *знающеи*, л. 35г, *надбьющеися*, л. 34б, *страшащих*, л. 37г. Союз *али*⁹ появляется дважды на л. 37а, нет ни одного употребления *ачь*¹⁰, *або*¹¹.

3. Лексика также представлена церковнославянскими. Это хорошо видно по рефлексам сочетаний типа *tort, *tert: употребляются только

неполногласные сочетания в корнях и южнославянские по происхождению приставки с начальным *ра-*: *дрѣво*, л. 34а, *разпространиль*, л. 34в, *разжегль*, л. 37в, *раздѣли*, л. 37г, *главу*, л. 35в, *грады*, л. 35г, *посрамисте*, л. 37а, *плѣнение*, л. 37а, *съхрани*, л. 37в и т. д.

Е. Ф. Карский приводит в своем перечне «выдающихся особенностей»¹² чтение *правина* в Пс. 9:9: *судит людем въ правину*¹³, очевидно, видя в нем западнорусское слово на месте *въ правду*. Однако в древнейшей Синайской глаголической псалтыри находим *в правынъ*, далее оно же в Норовской и МД (ср. Кипр., ФС: *въ правдъ*). Слово наследуется из древнейшей редакции и не может рассматриваться как рутенизм. *Правина* (собственно, здесь ‘справедливость’) появляется в псалтыри еще в Пс. 98:4: *уготовал еси правины суд*, л. 66б.

Итак, текст первых 16 псалмов написан на церковнославянском языке с минимальными западнорусскими вкраплениями.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ: 17–71-й ПСАЛМЫ

С 17-го псалма и до 71-го включительно количество рутенизмов нарастает от псалма к псалму, однако церковнославянский текст по-прежнему преобладает.

1. Троекратно возрастают написания, показывающие отверждение *ж*: *чужьых*, л. 39а, *жылища*, л. 43б, *удержы*, л. 43г, *животныхъ*, л. 56а (всего 21 раз). И единичное написание *шыроту*, л. 38б, такой же природы.

Появляются случаи графического отражения перехода [е] в [о] после шипящих и [ц]: *въшол*, л. 38а, *непорочонъ*, л. 38б, *единорожцов*, л. 40а, *вретищо*, л. 44б, *пришол*, л. 45а, *концомъ*, л. 52в, *вашого*, л. 52б, *жолчь*, л. 56а.

2. В области грамматики изменения неравномерны. В окончании Р. ед. прилагательных происходит резкая смена церковнославянских на восточнославянские (56 % окончаний от общего числа в этом отрезке): *великого*, л. 49а, *злого*, л. 56в, *аравииского*, л. 57б и др., единожды *-аго* исправлено писцом на *-ого* – *готоваго*, л. 43б. В окончании М. ед. м. р. единожды *-ох*: *въ челоувѣцох*, л. 55а.

В отношении глагольной системы писец оканчивается более традиционным. При существенном росте форм 2 ед. на *-шь* (*препитаешь*, л. 42б, *не закоснишь*, л. 46г и др.) *-ши* продолжает преобладать, хотя и не столь значительно (52 из 87 случаев).

В системе прошедших времен количество простых претеритов снижается с 61 до 42 %, перфект становится основным временем, причем его упо-

требление без связки достигает 28 %: *призваль*, л. 49в, *уповал*, л. 50в, *възрѣло*, л. 51а, *изъострили*, л. 53в, *бл̄говолить*, л. 55а. В формах перфекта со связкой появляются модели, аналогичные староукраинским: *слышали есмо*, л. 49а, *ходили есмо*, л. 51б [б: 194].

Среди причастий настоящего времени по-прежнему предпочтительны церковнославянские. Появляется всего шесть написаний с восточнославянским суффиксом, причем большая их часть сконцентрирована на двух листах: *слышачии*, л. 45г, *въспѣваючим*, л. 52а, *мимотекучая*, л. 52а, *лукавствующих*, л. 53в, *видячии*, л. 53в, *испытаячии*, л. 53г.

Появляются восточнославянские союзы: однократно употребляется *ачь*, л. 57в, девять раз – *алиж*<е>, л. 41, 48г и др., однократно *олиж*<е>¹⁴, л. 56г; четыре раза используется частица *ажь*¹⁵, л. 57а.

3. Наблюдается тенденция заменять церковнославянизмы. Во-первых, это касается лексики с восточнославянскими рефлексам сочетаний типа **tort*, **tert*: *здоровия*, л. 45в, г, *беремя*, л. 45г, *сторожу*, л. 46а, *город*, л. 48г, *волосовъ головы*, л. 46г. На этих же листах находятся и традиционные сочетания с неполногласными словами: *власъ главы*, л. 45а, *власовъ главы*, л. 55в, *врата* (многократно, л. 40в), *облакъ*, л. 44в и т. д. Единоразы встретилось слово с польским рефлексом для этого сочетания: *бродзы* 43а, 54а.

Во-вторых, это касается приставок с начальным *ро-*. Количество восточнославянских по происхождению написаний почти сравнивается с вариантами с начальным *ра-*: *розбиется*, л. 45б, *розбогатѣть*, л. 49в, *розумѣваяи*, л. 50г, *розмѣрю*, л. 52г и т. д. при *растерзал*, л. 42б, *разхищающих*, л. 44а, *разгорится*, л. 46 а, *разсѣяль* л. 47г, *разжегль*, л. 54б.

Видно, что полногласные слова и их сочетания соседствуют с неполногласными (на примере одновременного использования в тексте сочетаний *волосовъ головы* и *власовъ главы*), то же наблюдается в глагольных формах, поэтому эту правку нельзя назвать последовательной, она скорее похожа на стихийную, усиливающуюся к середине псалтыри. Здесь вернее было бы говорить о стремлении наполнить текст западнорусскими элементами.

В-третьих, текст насыщается рутенской лексикой, очень часто замена связана с правкой по латинскому тексту. Появляться она начинает с 17-го псалма такими же вкраплениями, как было показано выше, нарастая к середине псалтыри.

В 17-м псалме западнорусизм *мышка*¹⁶ заменяет слово *мышца*: Пс. 17:35 *мышки мои*, л. 38в. *Мыши-*

ка же встретится в третьей части псалтыри еще пять раз, последовательно употребляясь на месте своего синонима: *мышкою силы*, л. 63а, *мышка*, л. 66б и далее. При этом лексема *мышца* останется без замены в первой, церковнославянской части, ср. *мышцу*, л. 36б, и во второй, с 17-го по 71-й псалом, на лл. 45а, 47г, 56г. В соседних стихах «новая» лексика соседствует с церковнославянской той же природы: Пс. 88:11–22 *мышкою силы твои съкрушил еси враги твои... укрѣпится рука твоя и поднесется десница твоя*, л. 63а.

В Пс. 27:3 читаем: *не посполу*¹⁷ *погубишь мене съ грѣшники* вместо *не привлѣци мене съ грѣшники* (Норов.), лат. *simul*. Рутенизм употреблен в значении ‘вместе’. Всего 11 раз по всей псалтыри он заменит церковнославянизм *вкупѣ* с тем же значением, сохранившись при этом в 12 псалмах. В первой части при том же латинском соответствии находим *вкупѣ* – Пс. 13:3, л. 37а, лат. *simul*; при ином латинском – Пс. 2:2, л. 34а, лат. *in unum adversus*, Пс. 4:9, л. 34в, лат. *in id ipsum*. В псалмах второй части при том же латинском – Пс. 34:26, л. 44в, лат. *simul*, Пс. 36:38, л. 45в, лат. *simul*, Пс. 52:4, л. 50г, лат. *simul*, при ином латинском – Пс. 18:10, л. 39а, лат. *in semet ipsa*, Пс. 33:4, л. 43в, лат. *in id ipsum*, Пс. 40:7, л. 47а, лат. *in id ipsum*. В третьей части остается неисправленным три чтения при том же латинском: Пс. 70:10 *въкупѣ*, л. 56в, лат. *simul*, Пс. 82:6 *въкупѣ*, л. 61в, лат. *simul*, Пс. 87:18 *вкупѣ*, л. 63а *simul*.

Но в Пс. 132:1 *посполу* заменяет *вкупѣ* при лат. *in unum*, сходная ситуация в Пс. 121:3, л. 76г, при лат. *in id ipsum*. Правка выглядит сложной: правится церковнославянизм *вкупѣ* и унифицируется перевод с латинского. Это видно по тому, что для перевода однокоренного латинского *simultudinem* выбрано слово *посполность* – Пс. 43:15: *положил еси нас въ посполность языком*. Эти примеры и приводимые ниже намечают тенденцию: вводимые здесь слова будут также появляться и во второй половине псалтыри.

Переводчик выбирает для двух латинских глаголов *probare* и *temptare* разные славянские соответствия, для первого – западнорусский глагол *досвѣтчити*¹⁸ ‘испытать’, заменив традиционное чтение *искусити*, а для второго – именно глагол с корнем *кус-* (*покусити*, но единожды *искусити*), также преимущественно на месте *искусити*. Таким образом, можно говорить о двух условиях правки: во-первых, замена церковнославянизма, во-вторых, унификация перевода по латинскому тексту. В Пс. 25:2 *досвѣтчи мене, Г<оспод>и, и искуси мене*, л. 41а, лат. *proba... et tempta – искуси мя, Господи, и истяжи мя* (Норов., МД, ФС); Пс. 34:16 *искусиша*, л. 44б,

лат. *temptaverunt* – *мжчишж* (Норов.), *искусиша* (МД, ФС); Пс. 77:41 *покусили*, л. 60а, лат. *temptaverunt* – *искусишж* (Норов., ФС, МД); Пс. 80:8 *досвѣтчих Тебе у воды*, л. 61б, лат. *probavi* – *искусихъ* (Норов., МД, ФС); Пс. 94:9 *покусили мене оуѣи ваши, досвѣтили*, л. 65в, лат. *temptaverunt... probaverunt* – *искусиша... искусишж* (Норов., МД, ФС); Пс. 105:14 *покусили*, л. 69б, лат. *temptaverunt* – *искусишж* (Норов., ФС, МД); Пс. 138:23 *досвѣти мене*, л. 80а, лат. *proba* – *искуси* (Норов., МД, ФС). Приставка *ис-* воспринимается как признак церковнославянского языка, что вызывает желание использовать эквивалент. Ее с этим глаголом мы видим только в Пс. 25:2 и в первой части псалтыри, где правки нет: Пс. 16:3 *искусиль еси*, л. 37в при лат. *probasti*. Возможно, графическая и семантическая близость заменяемых глаголов *покусити* и *искусити* привела к тому, что в двух случаях церковнославянизм меняется на *покусити*, хотя в латинском – *probare*, и при последовательной сверке с Вульгатой ожидалось бы *досвѣтиль*: Пс. 65:10 *покусиль еси*, л. 54б, лат. *probasti* – *искусиль еси* (Норов., ФС, МД); Пс. 38:1 *Г<оспод>и покусиль еси*, л. 79в., лат. *probasti* – *искусиль еси* (Норов., ФС, МД).

Еще один лексический рутенизм *дѣдичьство*¹⁹ со значением ‘наследие’ четырежды заменяет *достояние* (Норов., ФС, МД) – похоже, в связи с многозначностью последнего. Пс. 60:6: *даль еси дѣдичьство боящимся имени твоего*, л. 53а, лат. *hereditatem*. Так же в Пс. 73:2, л. 57г, лат. *hereditatis*, Пс. 126: 3, л. 77в, лат. *hereditas*; Пс. 135:21, лат. *hereditatem*. Однако полтора десятка вхождений этого слова останутся нетронутыми как в начале текста, так и в середине и конце при том же латинском соответствии (лл. 37б, 41г, 43б, 48г, 54в, л. 60б, 61в, 68в и др.).

Следующая группа однокоренных рутенизмов заменяет слова с основой *сокровищ-* на месте латинского thesaur-: Пс. 32:7 *воды морскыя полагаи въ скарбѣхъ бездны*, л. 43б, лат. *thesauris abyssos* – ... *въ скровищихъ бездны* (Норов., МД, ФС); Пс. 134:7: *изводитъ вѣтры отъ скарбовъ своихъ*, л. 78в, лат. *thesauris* – *отъ скровищъ своихъ* (Норов., МД, ФС), где *скарб*²⁰ – ‘хранилище, кладовая’ и Пс. 38:7 *человѣкъ новъ суете мятется, скарбитъ и невѣсть кому збираетъ*, л. 46б, лат. *thesaurisat*, где *скарбитъ*²¹ ‘накапливает богатства’ заменяет славянское *съкровьствуе* (Норов.), *скровищуе* (Кипр., ФС), *съкрывае* (Син., МД). При другом латинском славянский текст не меняется: Пс. 16:12 *яко скимень обитаяи въ скровищихъ*, л. 37г, лат. *abditis* – так же в Норов, МД, ФС.

Латинский корень *pingu-* дважды переводится глаголами с корнем *туч-*. В первый раз в Пс. 64:13 *утучатся*²² *красная пустыни*, л. 54а, лат. *pinguescent* – здесь ‘стать плодородным, изобильным’ вместо церковнославянского *разботѣжтъ*²³, собственно ‘разбухать, утучняться’ (Норов, МД). Схожая версия перевода предлагается в псалтыри Франциска Скорины: *растучнеють*. Второй раз в Пс. 140:5 *не утучнит главы моеи*, л. 80б, лат. *inpinguet* вместо *не намаститъ*, то есть ‘умастить’ (Норов., МД, ФС). Поскольку славянские контексты для этих чтений сильно отличаются, а латинские глаголы являются однокоренными, то очевидно, что причиной правки является сверка с латинским текстом. Если совпадение с вариантом, предложенным в псалтыри Франциска Скорины, не является случайным, то оно могло бы спровоцировать и вторую правку с привлечением латинского текста, но в таком случае перевод Виленской псалтыри должен быть осуществлен после 1517 года. Это не противоречит данным кодикологии, но один лексический случай вряд ли можно считать достаточным аргументом зависимости текстов.

Слова с корнем *велеб-*²⁴ трижды переводят латинский *magnific-*, ср. Пс. 28:4 *гласъ Гнѣ въ велебности*, л. 42а, лат. *magnificentia* вместо *вельѣпнотѣ* (Норов., МД, ФС); Пс. 91:6 *велебна суть дѣла твои*, л. 64г, лат. *magnificata sunt*, в точности то же в Пс. 103:24, л. 68а вместо *възвеличишя дѣла твоа* (Норов., МД, ФС).

Единственная лексическая правка, которая полностью проведена по всему тексту без пропусков, это замена церковнославянского *дѣщи* на *дочка*. Приведу только некоторые листы для иллюстрации: *дочка*, лл. 48б, 49а, 81б и др., *дочыцѣ*, л. 48в, *дочокѣ*, л. 69г.

Еще одна замена, также связанная с рефлексом **kt/gt* в славянских языках: *помочь*²⁵ вместо *помощь* и *помочник*²⁶ вместо *помощник*, начиная с Пс. 59:13, л. 52г сделана в тексте 13 и 6 раз соответственно, во второй половине псалтыри преимущественно. Церковнославянские соответствия с корнем *мощ-* преобладают в первой половине псалтыри, тогда как во второй они практически полностью вытеснены (одно употребление на л. 75в).

Не обошлось и без курьезов. В Пс. 57:4–5 *отчуждени суть грѣшници отъ ложеснъ, заблудили отъ чрева, глѣша лъжу по подобенству змиеву, яко аспиди, фалишиве затыкающеи уши свои* – в славянской псалтыри, греческом и латинском тексте на месте неожиданного германизма *фалишиве*, попавшего в рутенский через польское посредство, читаем: *глуха* (*ἀσπίδος κωφῆς, aspidis*

surdae). Слово *фальшиве*²⁷ попало сюда под влиянием предшествующего латинского *locuti sunt falsa (глаголаша лъжу)* при сверке по латинскому тексту.

В следующих примерах, похоже, что используя один глагол для перевода двух очень похожих латинских, переводчик отождествляет их. Глагол *роспроштити*²⁸ (то же, что *роспороштити*²⁹ ‘разогнать, раскидать’, ‘распылить, рассеять’), полонизм по происхождению (ср. пол. *rozproszyc*), заменяет славянский глагол *разжени*, от которого, возможно, наследуется приставка *раз-*: Пс. 58:12 *разпроши их силою твоею*, л. 52в, лат. *disperge – разжени их въ силѣ твоеи* (Норов., МД, ФС). Тот же глагол наблюдается в Пс. 93:23 *и въ злобѣ их распорошит ихъ*, л. 65в, но при ином лат. *disperdet – и по лукавѣствию их погубить их* (Норов., МД, ФС, МД). Первая форма латинского глагола – пр. акт. императ. 2 с. от *dispergo* ‘разбрасывать, рассеивать’, то есть ‘ты рассей’, вторая – fut. акт. инд. 3 с. от *disperdo* ‘портить, разрушать’, то есть ‘он испортит’. Для глагола *роспроштити* значение ‘портить, разрушить’ не выявлено, полагаю здесь ошибку перевода, связанную с графической схожестью латинских глаголов.

Есть также очень удачные, на мой взгляд, примеры, проясняющие церковнославянский текст. В Пс. 18:7 *от начатка небеси исход его, и объѣзь*³⁰ *его до начатка его*, л. 39а, лат. *occursus*, выделенное слово заменяет чтение *срѣтение*. Отглагольное существительное не зафиксировано в ГСБМ, означает оно результат действия по глаголу *объѣчи*³¹ ‘бежать вокруг чего-л.’. То есть буквально ‘от начала небес начинает путь [солнце] и совершает полный круг к началу небес’.

В Пс. 37:6–7 переводчиком предложено чтение *нужник: согниша раны моя от лица безумия моего, нужникъ бых и преклонихся до конца, сетуя хожях*, л. 45г, лат. *miser factus sum* ‘я стал несчастным и поник’ вместо *...пострадахъ и слякохся до конца...* (Норов., МД, ФС). В старобелорусском языке слово *нужник*³² означает ‘мученик’, и кажется, оно не подходит в контекст, однако в СлРЯ XI–XVII веков находим значение ‘страдалец, несчастный’, иллюстрированное цитатой из Казанской летописи XVII века³³, которое, похоже, и подразумевалось переводчиком, то есть в Виленской псалтыри налицо ранняя фиксация этого значения.

На этом обзор первых двух частей псалтыри можно завершить. Если неравномерность грамматических и орфографических рутенизмов, наличие полногласных форм рядом с неполногласными, разнообразие рефлексов *tj, *kti, *gti наводили меня на мысль о том,

что псалтырь могла бы восходить к нескольким антиграфам, например, и первая ее часть представляет незаконченный перевод, то наличие лексических рутенизмов, переводящих одно и то же латинское слово, в обеих частях псалтыри, а также рутенизмов, относительно последовательно заменяющих церковнославянизмы, говорит о том, что перевод сделан одним человеком. Унификация часто непоследовательна, однако она очевидна. Лексическая правка проходит в двух руслах: правятся некоторые церковнославянизмы (*мышца, вкупе, достояние, дщи*) и унифицируется перевод латинских слов.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ: 72–150-й ПСАЛМЫ

С 72-го псалма ситуация зеркально меняется: церковнославянская основа текста будет проглядывать сквозь западнорусские особенности. Это преобразование текста затрагивает все уровни языка. Часть лексики была описана выше, далее не ставится цель описать весь лексический потенциал переводчика, отмечаются выявленные тенденции.

1. В области фонетики количественно возрастают все описанные в предыдущем разделе явления: *жона*, л. 77в, *потвержонь*, л. 79в, *птенцом*, л. 82а, *жывучиш*, л. 77б, *чужьсьх*, л. 81а.

2. В грамматике ситуация зеркальна первой части псалтыри: редкими становятся церковнославянские окончания. Всего три раза встречается Р. ед. прил.: *лестиваго* (дважды), л. 71а, *убогаго*, л. 72б, книжник использует восточнославянское *-ого: пышиного*, л. 63а, *первородного*, л. 63в, *мудрого*, л. 75а, *неправого*, л. 80а и т. д. Расширяется употребление окончания *-ох* в М. мн. м. р. и ср. р.: *въ чудесох*, л. 59г, *на херувимох*, л. 60г, *в нѣдрох*, л. 64а, *на крылох*, л. 67г, *въ языкох*, л. 69г (всего 11 раз).

Полностью исчезает форма 2 ед. без редукции: *убоишься, наступишь*, л. 64в, *выидеши*, л. 70г и далее. В системе прошедших времен простые претериты (всего пятая часть глагольных форм прошедшего времени) значительно потеснены перфектом, и в особенности перфектом без связки (треть от всех употреблений форм прошедшего времени). Подобное характерно для западнорусских произведений, в которых это прошедшее время «имело большое распространение, так как оно заменило собою и старинные формы аориста и имперфекта» [2: 281]. Например, в переведенном несколько позже Евангелии Тяпинского совсем отсутствуют аористы и имперфекты, преобладают *l*-формы, перфект со связкой занимает всего 1 % от общего числа перфектных форм в Евангелии [8: 65–72]. Однако замечу,

что в псалтыри все же сильно влияние традиции в употреблении форм прошедшего времени. Среди аналитических форм перфекта так же, как и ранее, зафиксированы две со староукраинской связкой: *видѣли есмо*, лл. 64б, 67в, *слышали есмо*, л. 78а [6: 194].

Однократно отмечена форма сослагательного наклонения *быхмо* – Пс. 125:1 *быхмо яко утѣшени*, л. 77б. По данным А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, она появляется с конца XVI века в западнорусских текстах [11: 284], но употребление в тексте Виленской псалтыри свидетельствует о более раннем ее появлении.

Среди причастий преимущество также отдается восточнославянским, хотя и церковнославянские остаются в тексте: *погребаючи*, л. 60 об., *боячихся*, л. 62б, *прѣходячи*, л. 63г, *ловячих*, л. 64в, *летячои*, л. 64в, *творячи*, л. 67в, *горючими*, л. 76в.

Проиллюстрирую сказанное примерами: Пс. 104: 30–35, л. 68г–69а

въскипѣла земля их жабами въ полацохъ црѣи их, рекль, и пришли песьи мухи и мышци въ всидержанияхъ ихъ, положил дожди их градове, огонь палячий въ земли их и побиль винници ихъ и смокви их, и стерль дрѣва от градовъ их, рекль, и пришли пружи и гусѣница, имже не было числа, и поѣли всяку траву въ земли их, и поѣли всякъ плод въ земли их, и убиль вси первенци въ земли их, початки всякое роботы их, и вывелъ их съ серебром и златом... и придоша кростели... и далъ им кролевства языковъ и роботование людей.

3. Здесь уже ярко видны польские истоки рутенизмов. Помимо чтения *въ полацохъ царей* (М. мн. от *полаць*³⁴, ср. пол. *pałac*), л. 69а на месте слав. *въ съкровицихъ царей* (Норов., МД, ФС в соотв. с греч. *ἐν τοῖς ταμίεοις*), лат. *penetralibus regum*, имеем далее в псалме западнславянские рефлексы сочетаний типа **tort*, **tert*: *кростели, кролевства*, л. 69а, *прозность*, л. 64а, *обротил*, л. 68г, *прожности*, л. 81а, *вроновым*, л. 82а, а также *обецаитесь*, л. 58в, и многократное употребление слов с западнславянским рефлексом *моц-* вместо церковнославянского *моц-* (1 раз на, л. 75в). С 17-го по 71-й псалом текст постепенно насыщался восточнославянскими формами с *ч* на месте праславянского **gt*, после 71-го псалма он дополнился западнславянскими эквивалентами: *моць*, л. 58в, *моци*, л. 59в, *моцный*, л. 63а, *моцность*, л. 64в, *моцни*, л. 77в и т. д.

Количество полногласных форм практически выравнивается с церковнославянскими для сочетаний *оло/ла, оро/ра*: *оболоцѣ*, л. 59б, *оболокы*, л. 67г, *золото*, л. 78в, *володѣешь*, л. 63а, *обволочитя*, л. 71б, *посоромѣся*, л. 62в, *сторожа*, л. 64в, *порожни*, л. 65б, *поздоровение*, л. 65б, *ворота*, л. 70б, *преворочение*, л. 66г, *от сторо-*

жи, л. 77г. При этом однокоренные неполногласные слова могут соседствовать в пределах одной строки: ср. Пс. 132:2 *сходит на браду, бороду Ароню*, л. 78б. Полногласная форма может употребляться рядом с ярким церковнославянизмом, например: *и яко поломя пожигающее*, л. 61г. Многократно возрастает количество слов с *-ере-* (приставка *пре/прѣ* практически не заменяется на восточнославянскую, поэтому в подсчетах не учитывалась): *жеретьем*, л. 60а, *от беремь*, л. 61б, *стерезет*, л. 81г и т. д.

К описанным в части II особенностям лексической правки (церковнославянизмов и избранных чтений по Вульгате), которая охватывает и псалмы с 72-го, здесь хотелось бы добавить примечательные случаи, стоящие особняком. Чтение в Пс. 80:4 *Вострубите въ писковыхъ трубахъ* на месте греч. *νεομηνία*, лат. *neomenia* вместо... *въ новомѣсачи трѣбож* (Норов., на новъ *мѣсачъ* Син., МД, ФС), по всей видимости, является результатом влияния каких-то других контекстов или ассоциаций при переводе. Взаимосвязь основы *писк-* «с духовыми [инструментами]» отмечается М. О. Новак в древнеславянских памятниках как систематическая [7: 23]. Словарь XI–XVII веков³⁵ приводит целое гнездо однокоренных слов с данной семантикой: *пискъ* ‘духовой музыкальный инструмент’, *пискати* ‘играть на свирели, дудке’, *пискатель* ‘музыкант, играющий на флейте, свирели, дудке’.

Системной в этой части псалтыри можно назвать правку по замене слов с основой *созда-* строго в соответствии с лат. основой *forma-*. В Пс. 89:3 *въобразитя земля*, л. 64а, лат. *formaretur* на месте слав. *создатися*; Пс. 94:5 *руки его выобразили* л. 65в, лат. *formaverunt* вместо *создасть*; Пс. 103:26 *выобразиль еси*, л. 68б, лат. *formasti* вместо *созда*; Пс. 138:5, 16 *ты выобразиль еси мене... дни выобразятя*, л. 79в–г, лат. *formasti*; *formabuntur* вместо *созда, созиждутся*. При этом традиционное чтение сохраняется несколькими стихами ранее в Пс. 138:13: *ты создалъ еси утробу мою*, л. 79г при ином лат. *possedisti*. Во всех остальных чтениях славянскому *созда-* соответствуют другие латинские глаголы (напр., Пс. 32:9 *создашася*, л. 43б, лат. *creata sunt*; Пс. 32:15 *создал*, там же, лат. *finxit*; Пс. 73:17 *весну ты създалъ еси*, л. 58а, лат. *plasmasti*; Пс. 77:69, *создал*, л. 60б, *aedificait*). Хотя значение ‘создать, сотворить’ для глагола *выобразити*³⁶ не зафиксировано, оно есть у глагола *выобразывати*³⁷.

Дважды в псалтыри переводчик предлагает два варианта перевода глаголов с основой *murmura-*. В Пс. 105:25 *шамрали въ поколѣньи*

своемъ, л. 69в, лат. murmurabant на месте слав. *поропташа* (Норов., МД, ФС). Восходящий к польскому *szemgać* ‘шелестеть, шептать’ глагол *шамрати*³⁸ есть и в старобелорусском языке в значении ‘жаловаться, роптать’. В Пс. 58:16 на месте лат. murmurabunt находим чтение *поропчут*, л. 52в вместо *поропцут* – своеобразный промежуточный вариант между церковнославянским и рутенским.

В последнем псалме, 150-м, л. 82в западнорусские языковые элементы практические не встречаются, пожалуй, только слово *въскликаныи* вместо *въсклицания* может выдавать отклонение от церковнославянского языка.

Сводные данные по всем трем частям псалтыри приводятся в таблице.

Языковые черты	Псалмы 1–16	Псалмы 17–71	Псалмы 72–150
жы шы	7 0	21 1	31 0
о после шипящих цо	0 0	16 17	49 13
М. мн. м, ср. -ох	1	1	11
-ого/-аго	2/12	14/11	33/3
Окончание глаголов 2. ед. наст. -шь ³⁹ /-ши	1/26	35/52	58/0
Простые претериты	64	175	167
Перфект со связкой	20	125	170
Перфект без связки	21	117	480
Рече/реклъ без связки	3/2	4/2	0/15
Причастия -уч, -юч/ ущ, -ющ -ач, -яч/ аш, -ящ	0/22 0/2	4/85 2/48	43/27 31/27
видь	0	5	5
али, оли	2	10	23
але	0	0	2
або	0	0	4
ачь/аще	0/9	1/20	4/25
ажь	0	4	0
оло/ла оло/лѣ ере/ре ⁴⁰ оро/ра	0/9 0/1 0/5 0/14	2/12 0/1 3/3 3/71	15/18 1/3 19/8 21/53
роз-, рос-/ раз-, рас	0/8	24/37	66/18
моч-/мощ-/ моц-	0/7/0	2/19/0	18/1/10

ВЫВОДЫ

Текст первых 16 псалмов написан на церковнославянском языке с минимальными западно-

русскими вкраплениями в области фонетики и грамматики. Чтение *правина*, предложенное Е. Ф. Карским в качестве рутенизма, следует признать традиционным, восходящим к I редакции псалтыри.

С 17-го псалма и до 71-го включительно количество рутенизмов нарастает от псалма к псалму на всех уровнях, однако церковнославянский текст по-прежнему преобладает. Троекратно возрастает число написаний, показывающих отвердение *жс*, графическое отражение [e] в [o] после шипящих и *ц*. В области грамматики изменения неравномерны: резкая смена церковнославянских флексий Р. ед. прилагательных на восточнославянские, значительно возрастает количество форм 2 ед. на *-шь*, количество простых претеритов снижается на треть, уступая место перфекту, появляются модели, аналогичные староукраинским. Однако среди причастий настоящего времени по-прежнему предпочтительны церковнославянские.

Текст постепенно насыщается западнорусской лексикой, начиная с 17-го псалма ее количество нарастает к середине псалтыри. Правятся церковнославянизмы (это в основном касается замены слов с неполногласием полногласными соответствиями), частично унифицируется перевод с латинского. Причем практически вся, непоследовательная с 17-го по 71-й псалом, правка будет уже систематически продолжена далее, что свидетельствует об одновременном переводе всей псалтыри одним человеком.

С 72-го псалма церковнославянская основа текста будет проглядывать сквозь западнорусские особенности. Это преобразование текста затрагивает все уровни языка. В грамматике практически исчезают церковнославянские формы, остается незначительное число простых претеритов, также отмечаются формы, аналогичные староукраинским. Зафиксировано более раннее, чем отмечается в грамматике, использование формы *быхмо* в сослагательном наклонении, учитывая, что она распространяется в конце XVI века, вряд ли стоит относить перевод данной псалтыри ранее, чем к первой трети XVI века. В большом количестве появляется лексика польского происхождения.

Псалтырь Ф. Скорины если и служила образцом для переводчика, то только как прецедент для перевода псалтырного текста. Собственно, во всех случаях правки по Вульгате на месте западнорусского слова Виленской псалтыри в псалтыри Скорины находится традиционное чтение, пока найдено только одно лексическое исключение.

Представленная языковая неравномерность текста, на мой взгляд, связана с выработкой принципов перевода псалтыри на западно-русский, с поиском переводческих решений. Не исключено, что перевод задуман специально для этой рукописи, западнорусские ветхозаветные тексты которой уже существовали. При чем работа проделана одним человеком: это

видно по закономерностям перевода латинских слов на протяжении всего текста (например, для *probare, temptare, simul* и др.). Нарастание рутенских элементов к середине псалтыри и фактически вытеснение церковнославянской основы после 72-го псалма вполне объяснимо: определены церковнославянские элементы для замены, выбран круг латинских чтений для работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подробно литературу о рукописи, датировке, вероятном авторе переводов, исследования особенностей переводов некоторых книг кодекса: Добрянский Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1882. С. 441–447; Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV–XVII веках. Варшава, 1896. С. 26–35, а также [1: 184–185], [4], [5], [12: 7–11], [13: 874–881], [15], [16].
- ² Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV–XVII веках. Варшава, 1896. С. 28.
- ³ Там же. С. 28–33.
- ⁴ Там же. С. 27.
- ⁵ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Минск, 1982–2017.
- ⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- ⁷ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Киев, 1977–1978.
- ⁸ Орфография рукописи многослойна: в ней есть как рутенские черты, так и наследуемые от других протографов следы второго южнославянского влияния. Рукопись акцентированная. При цитировании Виленской псалтыри здесь и далее текст подается без диакритики, выносные вносятся в строку без текстового выделения, титла сохраняются, из церковнославянских букв передается только ять, лист указывается после цитируемого фрагмента.
- ⁹ ГСБМ. Вып. 1. С. 99.
- ¹⁰ ГСБМ. Вып. 1. С. 166.
- ¹¹ ГСБМ. Вып. 1. С. 56.
- ¹² Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV–XVII веках... С. 28.
- ¹³ ГСБП. Вып. 27. С. 449.
- ¹⁴ ГСБМ. Вып. 1. С. 99.
- ¹⁵ ГСБМ. Вып. 1. С. 77.
- ¹⁶ ГСБМ. Вып. 18. С. 256.
- ¹⁷ ГСБМ. Вып. 27. С. 159.
- ¹⁸ ГСБМ. Вып. 9. С. 10.
- ¹⁹ ГСБМ. Вып. 8. С. 12.
- ²⁰ ГСБМ. Вып. 31. С. 301.
- ²¹ ГСБМ. Вып. 31. С. 301.
- ²² В ГСБМ. Вып. 35. С. 304, только причастие *утученый* ‘сытый’.
- ²³ СлРЯ XI–XVII. Вып. 21. С. 144.
- ²⁴ ГСБМ. Вып. 3. С. 77.
- ²⁵ ГСБМ. Вып. 26. С. 292.
- ²⁶ ГСБМ. Вып. 26. С. 290.
- ²⁷ ГСБМ. Вып. 35. С. 384.
- ²⁸ ГСБМ. Вып. 30. С. 410.
- ²⁹ ГСБМ. Вып. 30. С. 397.
- ³⁰ Слова нет в ГСБМ и ССУМ.
- ³¹ ГСБМ. Вып. 21. С. 119.
- ³² ГСБМ. Вып. 21. С. 63.
- ³³ СлРЯ. Вып. 11. С. 445.
- ³⁴ ГСБМ. Вып. 23. С. 395.
- ³⁵ СлРЯ XI–XVII. Вып. 15. С. 54.
- ³⁶ ГСБМ. Вып. 5. С. 313.
- ³⁷ ГСБМ. Вып. 5. С. 313.
- ³⁸ ГСБМ. Вып. 37. С. 82.
- ³⁹ Все случаи употребления выносной *-и* в глагольной флексии 2 ед. наст. вр. учитывались как случаи редукции окончания.
- ⁴⁰ Не учитывалось употребление приставки *пре/прѣ*, поскольку она практически не заменяется на восточнославянскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии // *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen*, Bd. 24. СПб.; Köln etc.: Дмитрий Буланин: Böhlau Verlag, 1999. 254 с.
2. Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского языка. М., 1956. 520 с.
3. Ковалёва Ю. С. Языковые и текстологические особенности Псалтыри в составе Виленского библейского свода по рукописи F 19–262 пер. четв. XVI в. / *Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет*. М., 2021. 85 с.
4. Кожина А. А., Суркова Е. С. Лингвистическая рефлексия в раннем восточнославянском переводе книги пророка Даниила из Виленского ветхозаветного свода (F 19–262) // *Лингвистическая эпистемология: история и современность: XV Международный съезд славистов*. (Минск, Республика Беларусь, 20–27 августа 2013 г.). Минск, 2013. С. 64–94.
5. Кожина А. А., Суркова Е. С. Библейские *haraх legomena* в рефлексии перевода (на материале Книги Иова из Виленского ветхозаветного свода (F 19–262) и польских библий XVI в.) // *Slavistica Vilnensis*. 2019. Vol. 64 (1). С. 10–25.
6. Молдован А. М. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 1 (23). М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 182–197.
7. Новак М. О. Названия музыкальных инструментов в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. (на материале исторического корпуса «Манускрипт») // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 6. С. 18–28.
8. Смирнова Е. А. «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 316 с.
9. Темчин С. Ю. Схария и Скорина: об источниках Виленского Ветхозаветного свода (F 19–262) // *Senoji Lietuvos literatūra*. 2006. № 21. P. 289–316.
10. Чешко Е. В., Бунина И. К., Дыбо В. А., Князевская О. А., Науменко Л. А. (ред.) *Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века: В 2 ч.* София: Изд-во Болгарской академии наук, 1989. 743 с.
11. Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мінск, 1979. 328 с.
12. Галенчанка Г. Я. Францыск Скарына: Спадчына і пераемнікі: Анатаваны бібліяграфічны паказальнік. Мінск: Красіка-Прынт, 2002. 175 с.
13. Thomson F. J. The Slavonic translation of the Old Testament // *Interpretation of the Bible*. Ljubljana; Sheffield: Slovenska akademija znanosti in umetnosti: Sheffield Academic Press, 1998. P. 605–920.
14. Taube M. The Vilnius 262 Psalter: A Jewish translation? // *Jews and Slavs*. Vol. 14. Jerusalem; Moscow, 2004. P. 27–38.
15. Taube M. The Book of Job in Vilnius 262 // *Jews and Slavs*. Vol. 15. Jerusalem; Sofia, 2005. P. 281–296.
16. Taube M. The Book of Proverbs in Codex Vilnius 262 // *The Bible in the Slavic tradition*. (A. Kulik, M. MacRobert, S. Nikolova, M. Taube, C. Vakareliyska, Eds.). Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 179–194

Поступила в редакцию 11.12.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Alexandra E. Soboleva, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Russian State Library (Moscow, Russian Federation), Associate Professor, Moscow Theological Academy (Sergiyev Posad, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9983-2602; aleksandra_soboleva@list.ru

CHURCH SLAVONIC VS RUTHENIAN: THE LANGUAGE OF THE VILNA PSALTER

Abstract. The manuscript from the collection of the Vilnius Library of the Lithuanian Academy of Sciences (F 19–262), whose Old Testament books have been translated into the Western Russian (Ruthenian) written language, was created around 1517–1530. It was initially thought that all of its books were translated from Hebrew. However, M. Taube masterfully shows that the sources of the Psalter texts were the Church Slavonic Psalter and the Latin Bible. The text of the Psalter is heterogeneous: the predominance of the features of the Western Russian language in its second half has been noted by researchers before. However, there has been no detailed linguistic study revealing the regularities of translation of the text of all psalms, which determines the novelty of the study. The objectives of this work are to identify and describe the correlations between the Church Slavonic and Western Russian languages in the psalms of the Vilna corpus, as well as the translation techniques. The first 16 psalms practically do not reveal any signs of the Ruthenian

language, the grammatical and phonetic features of which are represented by inclusions. From Psalm 17 to Psalm 71 the changes accumulate quantitatively, with their number increasing by the middle of the Psalter, creating an impression of chaotic linguistic organization of the text. Lexical revision takes place in two directions: certain Church Slavonicisms are replaced, and there is a move towards the unified translation of Latin words. The revision is carried out with varying degrees of consistency, but almost all of the lexemes proposed by the translator are repeated in the next part of the Psalter, often replacing the same Latin words. From Psalm 72 onwards, we see the Church Slavonic basis of the text only peek through the Western Russian features. This transformation affects all levels of language. Only one use of the form *byhmo* in the subjunctive mood is recorded, and since this form was actively spreading in the late XVI century, it seems unlikely that this translation of the Psalter dates back to the period before the first third of the XVI century, i.e. the manuscript and its translation belong to the same time period, and there is a possibility that the translation was specifically tailored for this manuscript. Furthermore, the research findings suggest that the translation was completed by one person, while the linguistic heterogeneity of different parts of the Psalter can be attributed to the search for consistent translation principles.

Key words: Psalter, Ruthenian language, translations, Francisk Skorina, Old Church Slavonic language

Acknowledgements. The research was supported by the RFBR grant 21-012-41004 “Medieval Russian-Jewish Contacts and Slavic Targum”. The author of the article expresses her gratitude to Maria O. Novak and Dmitry V. Sitchinava for consultations and advice that significantly helped in conducting the research.

For citation: Soboleva, A. E. Church Slavonic vs Ruthenian: the language of the Vilna Psalter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1057

REFERENCES

1. Alekseev, A. A. Textology of the Slavic Bible. *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen, Bd. 24*. St. Petersburg; Köln etc., 1999. 254 p. (In Russ.)
2. Karsky, E. F. The Belarusians. The language of the Belarusian people. Vol. 2. Historical outline of word formation and inflection in the Belarusian language. Vol. 3. Essays on the syntax of the Belarusian language. Moscow, 1956. 520 p. (In Russ.)
3. Kovaleva, Yu. S. Linguistic and textological features of the Psalter in the Vilna Biblical collection F 19–262 of the first quarter of the XVI century. Moscow, 2021. 85 p. (In Russ.)
4. Kozhina, A. A., Surkova, E. S. Linguistic reflection in the early East Slavic translation of the Book of Daniel from the Vilna Old Testament collection (F 19–262). *Linguistic epistemology: history and modernity: The XV International Congress of Slavists*. Minsk, 2013. P. 64–94. (In Russ.)
5. Kozhina, A. A., Surkova, E. S. Biblical *hapax legomena* in the reflection of the translation (on the material of the Book of Job from the Vilna Old Testament Book (F 19–262) and the Polish Bibles of the 16th century). *Slavistica Vilnensis*. 2019;64(1):10–25. (In Russ.)
6. Moldovan, A. M. Variations of the first-person plural forms of the copulas/auxiliaries in Old Russian written texts. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Issue 1 (23). Moscow, 2020. P. 182–197. (In Russ.)
7. Novak, M. O. Names of musical instruments in Old East Slavonic parimejniks from the 12th – 14th centuries (on “manuscript” corpus materials). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;20(6):18–28. (In Russ.)
8. Smirnova, E. A. The Ruthenian language as a linguistic phenomenon (reconstruction of the verbal system based on the Tyapinskiy’s Gospel): Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 2011. 316 p. (In Russ.)
9. Temchin, S. Schariya and Skorina: concerning sources of the Vilnius’ Copy of the Old Testament (F 19–262). *Senoji Lietuvos literatūra*. 2006;21:289–316. (In Russ.)
10. Cheshko, E. V., Bunina, I. K., Dybo, V. A., Knyazevskaya, O. A., Naumenko, L. A. (Eds.) The Norovskaya Psalter: The Middle Bulgarian manuscript of the XVI century. In 2 parts. Sofia, 1989. 743 p. (In Russ.)
11. Bulyka, A. M., Zhuraŭski, A. I., Kramko, I. I. Historical morphology of the Belarusian language. Minsk, 1979. 328 p.
12. Galenchanka, G. Ya. Francysk Skaryna: Legacy and successors: Annotated bibliographic index. Minsk, 2002. 175 p.
13. Thomson, F. J. The Slavonic translation of the Old Testament. *Interpretation of the Bible*. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 605–920.
14. Taube, M. The Vilnius 262 Psalter: A Jewish translation? *Jews and Slavs*. Vol. 14. Jerusalem; Moscow, 2004. P. 27–38.
15. Taube, M. The Book of Job in Vilnius 262. *Jews and Slavs*. Vol. 15. Jerusalem; Sofia, 2005. P. 281–296.
16. Taube, M. The Book of Proverbs in Codex Vilnius 262. *The Bible in the Slavic tradition*. (A. Kulik, M. MacRobert, S. Nikolova, M. Taube, C. Vakareliyska, Eds.). Leiden; Boston, 2016. P. 179–194.

Received: 11 December 2023; accepted: 15 May 2024